

Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Л.А.Дзюбанова

Юридический факультет

На правах рукописи

ДАВВ

Владислав Григорьевич

УДК 343. 347.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Специальность № 12.00.09 - уголовный процесс, судостроительство, прокурорский надзор, криминалистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой
степени доктора юридических наук

Ленинград
1983

Работа выполнена на кафедре уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Ленинградского врдена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А.А.Жданова.

Официальные оппоненты:

Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук,
профессор Е.А.Галкин

Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук,
профессор Н.И.Загородников

Доктор юридических наук, профессор В.П.Нажимов

Ведущая организация - Всесоюзный институт по изучению
причины и разработке мер предупреждения преступности.

Защита диссертации состоится "28" сентября 1983 г.
на заседании специализированного Совета Д.063.57.05 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических
наук при Ленинградском государственном университете имени
А.А.Жданова - Ленинград, 196026, ВО, 22 линия, д.7.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
им.А.М.Горького Ленинградского университета.

Автореферат разослан "23" сентября 1983 г.

УЧЕНЫМ СЕКРЕТАРЬ
специализированного совета,
кандидат юридических наук,
д о ц е н т

Н.И.Авдеенко

код экземпляра

43002

Общая характеристика работы

С принятием Конституции СССР (1977 г.) начался новый период в развитии социалистической правовой системы. На основе Конституции осуществляется обновление советского законодательства. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду отмечается, что новые законы позволяют точнее, тоньше регулировать различные стороны общественных отношений и работа по совершенствованию законодательства будет продолжаться.¹

Выполнение задач, поставленных КПСС перед советским народом, требует не только совершенствования законодательства, но и повышения эффективности его применения. "Следует решительнее повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины, - указал в речи на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов."²

Актуальность данного исследования определяется тем, что характерной чертой развития правовой системы на современном этапе является изменение отраслей и отдельных норм законодательства, приведение их в соответствие с изменившейся системой общественных отношений.³ При этом особое значение приобретает, во-первых, исследование правовой надстройки как целостной системы, выявление связей между отдельными ее частями и, во-вторых, эффективность правовой системы, в том числе правоприменительного процесса.

Потребность системного анализа механизма правового регулирования порождается тем, что дифференциация изучения отдельных отраслей права, являющаяся закономерным результатом дифференциации самих отраслей права, дополняется в настоящее время комплексными исследованиями отдельных отраслей и групп от-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с.64.

² Правда, 1982, 23 ноября.

³ Кудрявцев В. Правовая система и укрепление социалистического общества. - Коммунист, 1981, № 9, с.70.

583/1

раслей в их взаимодействии. Марксистско-ленинская диалектика требует, чтобы научное исследование производилось с учетом различных сторон рассматриваемого явления, его развития, связи данного явления с другими обстоятельствами. В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что марксисты были первыми, кто поставил вопрос о необходимости анализа всех сторон общественной жизни.⁴

Дифференцированность, специализация структуры права предполагает в то же время согласованность всех ее частей, гармонию между ними. Предметом научного исследования должны быть не только отдельные нормы, института и отрасли права, но и категории более общего порядка: правотворчество и правоприменительный процесс, взаимосвязи между отдельными отраслями материального и процессуального права и даже между всей совокупностью материальных и процессуальных норм как подсистем единой системы права.

С точки зрения наиболее эффективного претворения правовых требований в реальность особое значение приобретает исследование взаимосвязи материального права и процесса.

Правоприменительный процесс является не только формой жизни материального права, но и одной из важнейших юридических гарантий правопорядка. Это требует изучения правоприменительного процесса в целом в качестве особого вида государственной деятельности, а не только как объекта правового регулирования. Такое изучение невозможно без выяснения сущности связей между материальным правом и процессом, а также между материальным и процессуальным правом.

Проблема взаимосвязи материального и процессуального права привлекала и привлекает внимание исследователей. Однако в настоящее время вопросы соотношения материального и процессуального права приобретают особую актуальность в связи с дальнейшей дифференциацией и интеграцией материальных отраслей права, совершенствованием форм правоприменительной деятельности государ-

---

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 16; т. 39, с. 67.

ства и его органов.

Различными аспектами взаимосвязи материального и процессуального права занимались С.С.Алексеев, В.М.Горшенев, Н.Н.Полянский, М.С.Строгович, П.С.Дачель, Р.Д.Джалилов, В.И.Каминская, Р.Е.Гукасян, П.Ф.Елисейкин и многие другие ученые; однако ни одного монографического исследования этой проблемы ни в общей теории права, ни в отраслевых науках нет.

Настоящая работа является попыткой в известной мере восполнить этот пробел применительно к уголовному праву и процессу.

Цель исследования заключается в том, чтобы на базе анализа законодательства и теоретических положений выявить основные закономерности взаимосвязи между материальным (уголовным) правом и процессом правоприменения, определить характер связей между уголовным и уголовно-процессуальным правом, рассмотреть процессуальные аспекты уголовной ответственности, выработать рекомендации, направленные на законодательное совершенствование процессуальной формы.

Общая методология и методика исследования. В работе над диссертацией автор руководствовался трудами классиков марксизма-ленинизма, материалами и решениями съездов КПСС, выступлениями руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

Исследование осуществлялось на основе метода материалистической диалектики. Автором использованы также логический анализ, системно-структурный подход, метод сравнительного правового исследования и юридико-догматический метод.

Диссертация написана на основе анализа Конституции СССР, Конституций союзных и автономных республик, законодательства Союза ССР и союзных республик, а также зарубежных социалистических стран в области уголовного, гражданского и административного права, уголовного и гражданского судопроизводства, прокурорского надзора. Использован ведомственный нормативный материал. К изучению привлечена правовая, философская и социологическая литература, относящаяся к теме исследования.

В процессе исследования изучена и использована по ряду параметров опубликованная практика Верховного Суда СССР, Верховного суда РСФСР, а также практика органов дознания, следствия, прокуратуры и суда гор. Ленинграда и Ленинградской области за 1977-1982 гг. Использован также личный 12-летний опыт работы автора в органах прокуратуры гор. Ленинграда.

Новизна исследования и его практическая значимость заключается в том, что автор исследует уголовный процесс, во-первых, как способ реализации материального (уголовного) права и, во-вторых, как часть правоприменительного процесса в целом.

Исследование уголовного процесса как способа реализации материального права позволяет выявить общие закономерности взаимосвязи материального права и процесса, уяснить значение материально-правовых категорий в процессуальной деятельности, проследить зависимость процессуальных форм от характера материально-правовых отношений. Такой подход позволяет, в частности, решить проблему так называемой "процессуальной ответственности", уяснить соотношение категорий "ответственность" и "обвинение", определить содержание и значение отдельных этапов реализации уголовной ответственности.

Исследование уголовного процесса как части всего правоприменительного процесса позволяет выявить закономерности правоприменения на трех уровнях государственной деятельности: управление, правосудие, прокурорский надзор - и на основе этих закономерностей определить наиболее характерные свойства и черты каждого из названных видов государственной деятельности, преломляющиеся в правовом статусе участников процесса и характере выполняемых ими функций. Такой подход позволяет определить место уголовно-процессуального права в структуре процессуального права и по-новому подойти к решению спорных в теории проблем существования судебного и прокурорско-надзорного права. Системный анализ трех основных видов государственной деятельности, направленной на выполнение задач уголовного судопроизводства, позволяет разработать предложения, направленные на достижение

большой согласованности этих видов деятельности, а также выявить пробелы и несогласования в их правовом регулировании.

Плодотворность такого подхода подтверждается тем, что ряд теоретических положений, высказанных автором в печати, уже нашел свое отражение и подтверждение в процессе изменения законодательства и в судебной практике.

1. Теоретическое обоснование автором универсализма правоприменительного процесса и возможности более широкого использования уголовно-процессуальной формы для устранения гражданско-правовых последствий преступления, в частности, путем разрешения не только прямых, но и регрессных исков о возмещении ущерба, причиненного преступлением,⁵ нашло отражение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 13 декабря 1974 г. по делу Марфутина (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 2, с. 26-28). Пленум Верховного Суда СССР признал неправильной практику Верховного суда РСФСР, отрицавшего возможность рассмотрения таких исков в уголовном процессе. Это принципиально важное положение приобретает все большее значение в условиях развивающейся системы государственного страхования жизни, здоровья и имущества граждан, а также в получающей значительное распространение практике заключения договоров об охране имущества. В настоящее время рассмотрение регрессных исков прочно вошло в практику уголовного судопроизводства, позволяя полнее устранить имущественные последствия преступления. В частности, Ленинградским городским управлением Госстраха только за три года (1979-81) было предъявлено 336 регрессных исков о возмещении ущерба, причиненного преступными действиями, на сумму 235,1 тно.руб. Все иски удовлетворены. 19 ноября 1982 г. МВД СССР и Госстрахом СССР издана совместная директива № 129/158, обязывающая, в частности, органы расследования сообщать в подразделения Госстраха о направлении в суд уголовных дел, по которым причинен ущерб застрахованным автотранспортным средствам.

⁵ См.: Даев В.Г. Право на предъявление регрессного иска в уголовном процессе. - Советская юстиция, 1972, № 21.

2. Анализ понятия ответственности привел автора к выводу о том, что так называемая "спецконфискация", под которой подразумевается, в частности, изъятие предметов, послуживших орудием преступления, является в ряде случаев штрафной санкцией и в этом качестве - институтом материального, а не процессуального права. Об этом свидетельствует и указание на конфискацию орудий преступления в санкциях ряда статей уголовных кодексов союзных республик. В связи с этим была подвергнута критике редакция ст.30 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ограничивавшая применение конфискации лишь случаями совершения государственных и тяжких корыстных преступлений.⁶ Правильность этого вывода была подтверждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1973 г., расширившим пределы применения конфискации случаями, предусмотренными законодательством союзных республик.

3. Анализ прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве в качестве не только института уголовно-процессуального права, но и составной части комплексной отрасли прокурорско-надзорного права привел к критике редакции ст.153 УПК РСФСР, предусматривающей утверждение прокурором постановления об отстранении обвиняемого от должности, хотя надлежащей гарантией законности и надлежащим актом прокурорского надзора в данном случае должна быть санкция прокурора (а не утверждение), поскольку предметом гарантии является конституционное право на труд.⁷ Правильность этой критики подтверждена Законом о

⁶ См.: Даев В.Г. Процессуальное и уголовно-правовое значение орудий преступления. - Вестник Ленингр.ун-та, 1973, № 17.

⁷ См.: Даев В.Г. Указание, согласие и санкция как акты прокурорского надзора за соблюдением законности в деятельности органов расследования. - В сб.: Укрепление законности в деятельности следователей в свете Конституции СССР. М., 1979, с.64-66.

прокуратуре СССР от 30 ноября 1979 г., предусмотревшим, что отстранение обвиняемого от должности может иметь место только с санкции прокурора (п.6 ст.29). В настоящее время редакция ст.153 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик требует приведения в соответствие с общесоюзным законом.

Комплексность исследования смежных проблем материального права и процесса, системный анализ основных институтов процессуального права и подтвержденная практикой плодотворность такого исследования позволяют говорить о наличии в данном случае нового направления в развитии науки советского уголовного процесса.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения диссертации опубликованы автором в трех монографиях: "Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе" (1972 г.), "Очерк развития науки советского уголовного процесса" (в соавт., 1980 г.), "Взаимосвязь уголовного права и процесса" (1982 г.), а также разделах в учебнике "Уголовный процесс" (1972 г.) и более, чем в 25 научных статьях, тезисах докладов на научных конференциях и рецензиях в журналах "Советское государство и право", "Правоведение", "Вестник Ленинградского университета", "Социалистическая законность", "Советская юстиция", межвузовских сборниках научных трудов.

Сделаны доклады и сообщения: 1) на Всесоюзной научной конференции, посвященной 50-летию Советского государства и права (Ленинград, 1968 г.), 2) на научно-практической конференции по проблемам государственного обвинения (Ленинград, 1972 г.), 3) на научно-практической конференции "Проблемы повышения эффективности предварительного следствия" (Ленинград, 1976 г.), 4) на научно-практической конференции "Укрепление законности в деятельности следователей в свете Конституции СССР" (Ленинград, 1979 г.), 5) на научно-практической конференции "Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и адвокатуре в СССР" (Воронеж, 1980 г.), 6) на расширенном заседании Координационного бюро по проблемам прокурорского надзора (Ка-

заны, 1981 г.). Материалы диссертационного исследования используются автором при чтении курсов "Прокурорский надзор в СССР", "Советский уголовный процесс", а также при проведении практических занятий на юридическом факультете Ленинградского государственного университета.

Структура работ. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, списка использованной литературы и нормативного материала.

Содержание работы

Глава I. "Общие закономерности связи уголовного права и уголовного процесса". Исходным положением при изучении общих закономерностей взаимосвязи материального права и процесса служит широко известное высказывание К.Маркса о том, что "Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как...формы растений связаны с растениями, а формы животных - с мясом и кровью животных"⁸.

Обычно под уголовным процессом понимается либо урегулированный законом порядок (система) деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда по возбуждению, расследованию и разрешению уголовных дел, либо сама эта деятельность как результат правового регулирования.

Недостаток первого из приведенных определений заключается в том, что понятие процесса по существу сливается с понятием процессуальной формы как совокупности условий, установленных законом для осуществления процессуальной деятельности. Между тем уголовный процесс представляет собой специфическую сферу государственной деятельности, порождаемой необходимостью борьбы с преступностью путем реализации требований уголовного закона. При этом определяющей является сама эта деятельность, составляющая содержание явления, а не порядок ее осуществления, выступающий в качестве формы данного явления. Одновременно уголовный процесс представляет собой часть более широкого по своему содержанию правоприменительного процесса, под которым пони-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 158.

маются деятельность государственных органов и общественных организаций, уполномоченных государством на применение права, т.е. на реализацию в необходимых случаях принудительной силы государства, обеспечивающей должное поведение участников урегулированных правом отношений. Такое определение правоприменительного процесса соответствует пониманию в общей теории права применения права (правоприменительной деятельности) в качестве осуществляемой в установленных законом формах государственно-властной организующей деятельности государства и обществу, заключающейся в вынесении на основе норм права и соответствующих фактических обстоятельств индивидуально-конкретных правовых предписаний (И.Я. Дрягин и др.).

Специфика уголовного процесса, направленного на реализацию уголовно-правовых отношений ответственности, позволяет ограничиться рассмотрением лишь юрисдикционных форм правоприменения и исходить из понимания применения права в качестве государственно-властной формы его реализации в отличие от соблюдения и использования, считая, что применение нормы права имеет место лишь тогда, когда эта норма не соблюдается.

Правоприменительный процесс является необходимым элементом системы правового регулирования, позволяя использовать предусмотренные законом санкции при наличии отклоняющегося от нормы поведения. Однако правоприменительный процесс не сводится к применению санкций, поскольку задачами его является предшествующее применению санкций установление характера возникающих правовых отношений, а также принятие мер по предупреждению правонарушений. Процесс (движение права) представляет собой динамическую часть механизма правового регулирования.

Под процессом, как правило, понимают не любые формы реализации права, а основные виды правоприменительной деятельности, характеризующиеся наличием сложившейся в силу исторических условий сравнительно обособленной специфической процедуры. Однако эти виды правоприменительной деятельности, эти относительно самостоятельные процедуры являются не более, как частью правоприменительного процесса в широком смысле, универсального по своей

природе. Этот универсализм легко прослеживается даже в рамках сложившихся видов процесса. Так, уголовный процесс "обслуживает" не только уголовное право, реализуя его запреты, но в его рамках находят свое разрешение гражданско-правовые проблемы (институт гражданского иска в уголовном процессе), реализуются административно-правовые отношения (применение принудительного лечения к лицам, страдающим алкоголизмом и т.д.).

Связь отдельных видов процесса проявляется также в случаях перерастания одного из них в другой (передача вопроса о гражданском иске в уголовном процессе на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, прекращение производства по уголовному делу с применением мер административного воздействия).

Правоприменительный процесс складывается вместе со всей системой правового регулирования и так же, как отдельные виды (отрасли) материального права образуются и выделяются постепенно из всей совокупности правовых норм, отдельные виды процесса образуются по мере накопления количественных и качественных особенностей тех или иных видов правоприменительной деятельности. С точки зрения исторического развития системы правового регулирования образование новых видов процесса в современных условиях является вполне закономерным, свидетельствуя о достижении новых качественных ступеней такого развития. Характерно, что даже такие традиционные виды процесса, как уголовный и гражданский, развивались первоначально в рамках единой процедуры.

Нуждается в коррективе рассмотрение правоприменительного процесса как деятельности, урегулированной правом. Действительно, разработанная система правового регулирования предполагает не только воздействие на поведение участников правовых отношений путем предписаний, дозволений или запретов, но и предусмотренную законом процедуру реализации правовых норм путем применения соответствующих санкций. Однако степень правовой урегулированности отдельных видов правоприменительной деятельности далеко не одинакова и зависит от характера реализуемых материально-правовых отношений.

Степень правовой урегулированности позволяет уточнить понятие процессуальной формы. Если содержанием уголовного процесса является сама деятельность компетентных органов по реализации уголовно-правовых отношений ответственности, то урегулированный законом порядок этой деятельности может быть назван процессуальной формой. Автор приходит к выводу, что в процессуальные формы выливается не вся уголовно-процессуальная деятельность, а лишь ее необходимая, наиболее существенная часть, нуждающаяся в правовой регламентации в силу ее особой значимости для решения задач уголовного процесса. Правоприменительная деятельность является объектом правового регулирования, и в этом качестве объем ее выходит за пределы урегулированной правом части, поскольку регулируемые правом общественные отношения всегда шире по своему объему, чем результат правового регулирования.

Широко распространено мнение, что общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства, существуют только в правовой форме (В.П.Божьев, Б.А.Галкин, В.Н.Шпилев, П.С.Элькинд и др.). Действительно, процессуальные отношения, складываясь в связи с необходимостью принудительной реализации норм материального права, нуждаются в правовом регулировании более, чем иные виды общественных отношений. Однако это не значит, что они могут существовать только в правовой форме. Далеко не все отношения, складывающиеся в сфере судопроизводства, нуждаются в правовом регулировании. По общему правилу, законодатель не считает нужным регулировать вопросы методики, тактики и техники расследования и судебного разбирательства уголовных дел, хотя с этими вопросами связаны определенные общественные отношения участников судопроизводства. Выведение же этих общественных отношений и поведения их участников за пределы процесса не оправданно, так как отрывает от процесса значительные конгломераты явлений, органически связанных с правоприменительной деятельностью.

Сказанное позволяет прийти к выводу о том, что понятием процессуальной формы охватывается далеко не весь уголовный процесс, а лишь его урегулированная законом сфера. Сам же уголов-

ный процесс (как и правоприменительный процесс в целом) включает в себя не только урегулированную законом сферу деятельности, но и иные способы реализации общественных отношений, складывавшихся в ходе судопроизводства.

Из сказанного следует, что наука уголовного процесса в широком смысле должна иметь своим предметом не только уголовно-процессуальное право, но в известной степени и оперативно-розыскную деятельность органов дознания, а также криминалистическую деятельность, связанную с обнаружением, собиранием, исследованием и использованием доказательств. Относительная самостоятельность криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности не исключает их из уголовно-процессуального научного комплекса, в центре которого находится наука уголовного процесса.

Уголовный процесс как особый вид государственной деятельности, направленной на реализацию уголовной ответственности, складывается под воздействием материального (уголовного) права, определяющего содержание уголовно-процессуальной деятельности, уголовно-процессуального права, определяющего формы этой деятельности, а также криминалистики и других наук (судебная этика, судебная психология и др.), вырабатывающих методы такой деятельности.

В диссертации определяется место уголовно-процессуального права в структуре процессуального права. В основе деления отраслей права на материальные и процессуальные лежит предмет правового регулирования, т.е. круг регулируемых правом общественных отношений. При проявлении права "вовне" и материальные, и процессуальные нормы выступают в качестве единого целого — способа правового воздействия, представляя собой две подсистемы единой системы юридических норм. Существо процессуального права определяется таким специфическим свойством права, как возможность применения правовых норм с помощью государственного принуждения, и наличием правоприменительного процесса как особого вида государственной деятельности, обеспечивающей нормальное функционирование всей правовой системы. Процессуальным правом является совокупность правовых норм, регулирующих поря-

док правоприменительной деятельности и возникающие в процессе применения норм права общественные отношения.

В диссертации анализируется понятие правовых отношений как в общей теории права (Н.Г.Александров, С.Н.Братусь, С.Ф.Кечекьян, Ю.К.Толстой, Р.О.Халфина и др.), так и в теории советского уголовного процесса (В.П.Божьев, А.Д.Бойков, Б.А.Галкин, Н.Н.Полянский, М.С.Строгович, П.С.Элькин и др.). Делается вывод, что правовые отношения всегда конкретны (относительны), что конструкция абсолютных правоотношений, как отмечает М.С.Строгович, имеет искусственный характер.⁹ В качестве примера рассматриваются уголовно-правовые отношения, характер которых в ряде случаев (по делам "частного" и "частно-публичного" обвинения) вообще не устанавливается при отсутствии заявления потерпевшего лица. Предположение в данной ситуации наличия правового отношения между государством и правонарушителем, как и вообще признание абсолютных правовых отношений противоречит известному высказыванию Ф.Энгельса: "Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу".¹⁰

Исходя из конкретности правовых отношений, в диссертации предлагается именовать правовым общественное отношение, урегулированное правом и требующее реализации на основе правового регулирования.

Само по себе правовое урегулирование не создает еще реальные правовые отношения, а лишь их модель. Необходимость рассмотрения тех или иных общественных отношений в их правовой форме возникает только при наличии препятствий в их нормальном осуществлении. Как отмечает А.М.Яковлев, право в целом рассчитано на "отклоняющееся" поведение.^{II} При отсутствии такого

⁹ Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с.173.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.13, с.497-498.

^{II} Яковлев А.М. Право и объективные социальные нормы. - Труды ВНИИСЗ, 1974, вып.1, с.2-3.

"отклонения" нет оснований ни для определения правового характера отношений, ни для правоприменительной деятельности.

Исторически сложившийся процесс совместного создания материальных и процессуальных норм с последующим отпочкованием последних, дифференциация отраслевых наук позволяли на определенном этапе рассматривать процессуальные нормы преимущественно в одном ракурсе с соответствующими материально-правовыми нормами. В результате имеет место недооценка сущности процессуального права как единого целого, а принципы и институты одной отрасли права вовсе не учитываются или учитываются недостаточно в другой отрасли. Между тем правоприменительная деятельность имеет общий предмет - материально-правовые отношения, а процессуальное право - общий объект регулирования, выражающийся в комплексе общественных отношений по поводу применения норм права. В связи с этим в диссертации уголовно-процессуальное право рассматривается не только в качестве "надстройки" над соответствующей отраслью материального права (уголовным правом), но и в качестве составной части всего процессуального права в целом. При значительных расхождениях между материальными (уголовными, гражданскими, административными и др.) правоотношениями правоприменительный процесс в этих сферах общественных отношений обладает рядом сходных черт.

В процессе применения норм различных отраслей материального права существуют также общие формы (виды) правоприменительной деятельности, которые позволяют рассматривать правовые нормы, регулирующие эти виды деятельности, не только в качестве составных частей соответствующих процессуальных отраслей права, но и в качестве единого целого. Такими видами правоприменительной деятельности государства являются: управление, правосудие и прокурорский надзор. Распространение этих видов государственной деятельности на всю сферу правовых отношений порождает возможность рассмотрения норм, регулирующих эти виды деятельности, в качестве самостоятельных правовых образований.

Использование философских категорий, в частности, системный подход к анализу права позволил в последние годы выработать взгляд на систему права не только как иерархическую структуру

во главе с конституционным правом, но и предположить наличие комплексных образований, обладающих признаками отраслей права (С.С.Алексеев и др.). Система права представляет собой сложное построение, характеризующееся не только тесным взаимодействием различных норм, но и пересечением различных отраслей права. Это относится, в первую очередь, к системе норм, регулирующих сложную и многообразную правоприменительную деятельность.

В настоящее время понятие и значение управленческой деятельности в правоприменении исследованы в ряде работ (Е.А.Дунев, В.И.Ремнев, Н.Р.Салищева, В.Д.Сорокин и др.).

Не новой является идея судебного права, имеющая ряд сторонников (М.С.Строгович, А.А.Мельников и др.) и противников (Н.Д.Арсеньев, Б.А.Галкин, П.А.Лупинская, П.С.Элькинд и др.). В диссертации отмечается, что чрезмерно широкая трактовка судебного права с включением в него судостроительного, гражданского-процессуального и уголовно-процессуального права (А.А.Мельников), а также в определенных рамках административного процесса (М.С.Строгович) приводит к тому, что понятие процессуального права вообще утрачивает смысл, уступая место судебному праву, а весь правоприменительный процесс отождествляется с правосудием. В то же время единство конституционных основ правосудия по уголовным и гражданским делам позволяет рассматривать нормы, регулирующие осуществление правосудия во всех сферах правовой деятельности, в качестве единого целого. Совокупность правовых норм, устанавливающих порядок образования и деятельности судебных органов, а также регулирующих общественные отношения, возникающие при разрешении отнесенных к компетенции судов дел, может быть названа судебным правом.

Существует также единство прокурорско-надзорной деятельности, порожденное единым объектом прокурорского надзора. Деятельность прокуратуры является частью правоприменительного процесса и в силу этого может рассматриваться как процессуальная. Нормы, регулирующие прокурорско-надзорные отношения, едины по своей природе, выражают общие для всей правовой сферы принципы прокурорского надзора, а потому и не могут рассматриваться

только в качестве внутриотраслевых институтов соответствующих видов процессуального права. Автор разделяет мнение (Г.И. Петров, С.Г.Березовская, В.К.Звирибуль и др.) о рассмотрении всей совокупности правовых норм, регулирующих общественные отношения по поводу осуществления органами прокуратуры от имени государства высшего надзора за соблюдением законности во всех сферах правовой деятельности, в качестве самостоятельного правового образования - прокурорско-надзорного права.

Рассмотрение совокупностей норм, относящихся к осуществлению в сфере уголовного судопроизводства государственного управления, правосудия и прокурорского надзора, не только в качестве внутриотраслевых институтов, но и в качестве самостоятельных правовых образований позволяет глубже уяснить их назначение и обеспечить согласованность.

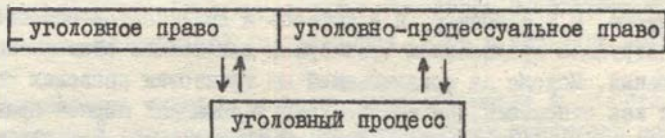
В диссертации анализируется соотношение и взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права. Представляя собой способ принудительной реализации материально-правовых отношений уголовной ответственности, процесс всегда внутренне связан с характером этих отношений. Это находит свое выражение в конкретных процессуальных формах, в которых осуществляется процессуальная деятельность. Так, типичный для материальных гражданско-правовых отношений метод равенства участников этих отношений преломляется в состязательном построении гражданского процесса. Материальные уголовно-правовые отношения возникают непосредственно между государством и отдельной личностью. В связи с этим особое значение в возникновении и развитии уголовно-процессуальных отношений приобретает государственные органы, роль которых не может быть сведена к положению "стороны" в процессе.

Процессуальная форма как урегулированный законом порядок судопроизводства складывается под воздействием не только процессуального, но и материального права. При этом всякое значительное изменение уголовного законодательства может влечь за собой необходимость изменения процессуального порядка его применения. Поскольку же процессуальная форма является прямым результатом уголовно-процессуального регулирования, налицо

связь между уголовным и уголовно-процессуальным правом, проявляющаяся через уголовный процесс. Существует мнение, что уголовный процесс является производным от уголовно-процессуального права (П.С.Элькинд и др.). Между тем, если рассматривать уголовный процесс не только в качестве результата правового регулирования, но и как самостоятельно существующий вид государственной деятельности, то следует признать производность процессуального права от объективно существующей правоприменительной деятельности.

Графически можно следующим образом отразить взаимосвязь рассматриваемых категория: уголовное право $\longrightarrow$ уголовный процесс $\longrightarrow$ уголовно-процессуальное право.

Однако приведенная схема дает представление о характере связей лишь с точки зрения производности соответствующих категорий. В реальности существует и обратное воздействие уголовно-процессуального права на уголовный процесс и через него на материальное уголовное право, в силу чего более точной является следующая схема взаимодействия:

Связь и взаимозависимость уголовного и уголовно-процессуального права находят свое выражение не только в единых задачах уголовного права и уголовного процесса, единых принципах законности, но и в единстве уголовной политики, определяемой в общем виде как политика КПСС и Советского государства в сфере борьбы с преступностью (Н.С.Алексеев, П.С.Дагель, Н.И.Загородников, Н.А.Стручков, И.М.Гальперин, В.И.Курляндский и др.).

Связь между уголовным и уголовно-процессуальным правом проявляется также в согласованном использовании и единстве целого ряда категорий, понятий, терминов. Важнейшее место среди них занимает понятие уголовной ответственности.

Глава 2. "Процессуальные аспекты уголовной ответственности". Исходя из тезиса К.Маркса о том, что "...Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы...",¹² в диссертации исследуется понятие уголовной ответственности и проблемы, связанные с ее реализацией.

При определении сущности уголовной ответственности рассматриваются как общетеоретические (Б.Т.Базылев, С.Н.Братуев, О.Э.Лейст, И.С.Самощенко, М.Х.Фарухшин и др.), так и специальные исследования проблем ответственности в теории уголовного права (Н.А.Беляев, П.П.Осипов, В.С.Прохоров, А.И.Санталов и др.) и уголовного процесса (Я.О.Мотовиловкер, А.И.Столмаков, А.А.Филющенко, П.С.Элькинд и др.).

Автор исходя из понимания ответственности как правоотношения между государством (в лице его органов) и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать неблагоприятные последствия совершенного правонарушения в соответствии с санкцией нарушенной нормы.

Рассматривая конструкции так называемой "позитивной" ("проспективной") ответственности (Б.Т.Базылев, В.А.Елеонский, Б.Л.Назаров, П.Е.Недбайло, П.А.Фефелов и др.), автор считает данную конструкцию проявлением чрезмерной юридикации общественных отношений. Исходя из предлагаемой им трактовки правовых отношений как отношений, не только урегулированных нормой права, но и требующих реализации на базе правового регулирования, автор считает, что позитивная ответственность, в основе признания которой лежит конструкция абстрактных правоотношений, представляет собой социальный, но не правовой институт.

Автор считает, что юридическая ответственность всегда конкретна, является следствием указанного в законе правонарушения и имеет ретроспективный характер. Тем более это относится к уголовной ответственности.

Ответственность является материально-правовым институтом, поскольку возникает как результат нарушения норм материального права и для своей реализации требует правоприменительной дея-

---

¹² Марко К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 158.

тельности государства. Попытки сконструировать понятие "процессуальной ответственности" (Я.О.Мотовиловкер, П.С.Элькинд, Н.А.Чечина, В.М.Ковалев, Г.Н.Ветрова, А.И.Столмаков и др.) лишены оснований, поскольку: 1) процесс представляет собой применение права, т.е. обеспечение соответствующих правовых требований, а не их создание; 2) в случае необходимости процессуальная деятельность охраняется нормами материального права с использованием уголовной, гражданской, административной и дисциплинарной ответственности; 3) санкции норм процессуального права всегда имеют праввосстановительный, а не штрафной характер, поскольку процессуальная деятельность должна проходить в установленной форме; 4) не существует специфических, процессуальных средств воздействия на участников процесса, сопряженных с лишением их прав или возложением на них дополнительных обязанностей. Приводимые обычно в качестве примеров способы воздействия на лиц, нарушивших процессуальный порядок (изменение меры пресечения, удаление из зала суда, привод и т.д.) являются мерами процессуального воздействия, а не штрафными санкциями, и применяются для того, чтобы обеспечить надлежащий ход процессуальной деятельности, а не в качестве наказания.

Высказанное автором отрицательное отношение к существованию негативной процессуальной ответственности исключает возможность признания так называемой "позитивной процессуальной ответственности" (Г.Н.Ветрова и др.), поскольку позитивная ответственность без возможности использования негативной лишена смысла.

В то же время в диссертации обращается внимание на необходимость усиления охраны процессуального порядка мерами уголовной, административной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности. В частности, поддерживается предложение об установлении уголовной ответственности за осквернение преступлений от учета (П.Ф.Пашкевич), о применении штрафа в случае неявки свидетеля или потерпевшего по вызову (А.Р.Рагинов), при уклонении обвиняемого от правосудия (А.А.Чувилев) и в ряде других случаев.

Исходя из понятия уголовной ответственности в качестве

правового отношения, автор исследует материально-правовое и процессуальное значение привлечения к уголовной ответственности и приходит к выводу, что уголовная ответственность, возникающая в момент совершения преступления, устанавливается (выявляется) в ходе процессуальной деятельности. Институт привлечения к уголовной ответственности относится к процессуальным категориям, поскольку означает деятельность по реализации норм материального права.

В работе оспаривается мнение, что привлечение к уголовной ответственности тождественно акту привлечения в качестве обвиняемого (Д.М.Карнеева) или приговору суда (Н.И.Загородников, А.И.Санталов и др.), и поддерживается положение, согласно которому привлечение к уголовной ответственности имеет длящийся характер, начинается с момента привлечения в качестве обвиняемого и завершается приговором суда (Н.С.Алексеев, В.З.Лукашевич). В то же время отмечается противоречивость законодательства и судебной практики по данному вопросу, в частности, при исчислении сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Анализируя судебную практику, в ходе которой Верховным судом РСФСР обосновывалось мнение о том, что привлечение в качестве обвиняемого прекращает течение срока давности, автор приходит к выводу, что эта позиция противоречит ст.41 Основ уголовного законодательства и ст.5 Основ уголовного судопроизводства. Одновременно отмечается несогласованность материального и процессуального закона по данному вопросу. В частности, ч.2 ст.5 Основ уголовного судопроизводства предусматривает при обнаружении судом истечения срока давности постановления обвинительного приговора о освобождении от наказания, хотя необходимости в освобождении от наказания не возникает, поскольку закон (ст.41 Основ уголовного законодательства) запрещает привлечение к уголовной ответственности по истечении сроков давности, и дело при истечении этих сроков в любой момент до вступления приговора в законную силу подлежит прекращению.

Отмечаются недостатки процессуального закона (ст.402 УПК), допускающего прекращение судом дела в отношении несовершеннолетних при применении к ним принудительных мер воспитательного ха-

рактера (ч.3 ст.10 УК), т.е. привлечение к уголовной ответственности без приговора суда.

Рассматривая акт привлечения в качестве обвиняемого как начальный этап привлечения к уголовной ответственности, автор оспаривает правильность мнения о том, что с этого момента начинается реализация уголовной ответственности (Ф.Н.Фаткуллин и др.) или же возникает "уголовная ответственность в процессуальном смысле" (Я.О.Мотовиловкер). Оспаривается также мнение о том, что применяемые к обвиняемому меры пресечения являются началом, разновидностью, элементом уголовной ответственности (И.И.Карпец, М.П.Карпушин, В.И.Курляндский, Н.А.Огурцов). Реализация уголовной ответственности не может иметь места до ее установления приговором суда. Иное противоречило бы ст.160 Конституции СССР. Нельзя также рассматривать меры пресечения и др. меры процессуального принуждения в качестве элементов ответственности, поскольку их единственное назначение - обеспечение нормального хода процессуальной деятельности. Предусмотренная законом в ряде случаев согласованность мер процессуального принуждения с мерами наказания означает не начало отбывания наказания, а лишь то, что меры принуждения по своей тяжести не могут превышать наказание.

Материально-правовое значение привлечения в качестве обвиняемого заключается в том, что этим актом определяется совокупность установленных по делу и вменяемых обвиняемому в вину фактов, образующих в совокупности состав преступления, т.е. определяется материально-правовое содержание процессуальной деятельности, направленной на реализацию уголовной ответственности.

Процессуальное значение привлечения в качестве обвиняемого заключается в том, что с этого момента в сфере уголовного судопроизводства возникает специфическое уголовно-процессуальное отношение между государством в лице его компетентных органов и лицом, в отношении которого собраны достаточные доказательства совершения им преступления. Это процессуальное отношение и может быть названо обвинением.

В связи с изложенным автор оспаривает распространенное в теории уголовного процесса мнение о том, что обвинение представ-

ляет собой одно из направлений процессуальной деятельности (М.С.Строгович, В.М.Савицкий, В.П.Нахимов и др.) или же процессуальную функцию, выражающую роль и назначение отдельных участников процесса (Я.О.Мотовиловкер, П.С.Элькинд и др.).

Ст.14 Основ уголовного судопроизводства обязывает государственные органы, осуществляющие процессуальную деятельность, принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, не возлагая на кого-либо из участников процесса осуществление лишь обвинительной деятельности. В соответствии с изложенным в диссертации отрицается наличие функции обвинения в советском уголовном процессе и как направления процессуальной деятельности, и как назначения кого-либо из участников процесса.

Уголовно-процессуальный институт обвинения представляет собой совокупность норм, регулирующих отношения по поводу совершения преступления между государством в лице его уполномоченных органов и лицом, которому предъявляется обвинение в совершении данного преступления, с момента установления этого лица и до момента признания его виновным или невиновным в установленном законом порядке.

Универсализм правоприменительной деятельности порождает вопрос о соотношении уголовной и гражданской ответственности в сфере уголовного судопроизводства, поскольку последствиями преступления в ряде случаев являются не только уголовные, но и имущественные отношения ответственности. В связи с этим в работе анализируется соотношение мер наказания имущественного характера (штраф, конфискация имущества, возложение обязанности загладить причиненный вред) с гражданско-правовыми санкциями (возмещение причиненного ущерба, взыскание неосновательного приобретения). Делается вывод, что уголовно-правовые отношения, выполняющие охранительную функцию, не должны препятствовать нормальному осуществлению регулятивных, в частности, гражданско-правовых отношений, ввиду чего при коллизии между мерами наказания имущественного характера и гражданско-правовыми санкциями преимущество должно отдаваться последним. Выразит-

ся сомнение в целесообразности существования такой меры наказания, как возложение обязанности загладить причиненный вред своими средствами. При анализе соотношения конфискации имущества и взыскания неосновательного приобретения подвергается критике редакция ст. 473 ИК, предусматривающей взыскание в доход государства неосновательно приобретенного имущества, "если оно не подлежит конфискации", поскольку, по мнению автора, наоборот, имущество может подлежать конфискации лишь тогда, когда оно не подлежит взысканию в доход государства в качестве меры гражданской ответственности, наступающей независимо от наказания. Анализируется также соотношение конфискации в качестве меры наказания и так называемой "опецонфискации", допускаемой в настоящее время как в качестве процессуальной меры (ст. 86 УПК), так и в качестве меры наказания (ст. ст. 163, 164, 166 УК и др.) по отношению к орудиям преступления, предметам, добытым преступным путем, и т.д. Автор приходит к выводу, что конфискации всегда имеет штрафной, карательный характер, а потому должна быть предметом материально-правового регулирования и применяться на общих началах индивидуализации наказания. В качестве процессуальной меры конфискации допустима лишь по отношению к предметам, изъятым из оборота или специально предназначенным для совершения преступлений. Одновременно указывается на ошибочность применения уголовным законом термина "конфискации" по отношению к незаконно добытому имуществу, поскольку на предметы, добытые незаконным путем, не возникает права собственности. Изъятие таких предметов должно регулироваться процессуальным законом. В качестве пробела процессуального законодательства отмечается отсутствие решения судьбы продуктов преступной деятельности, т.е. материальных объектов, созданных или видоизмененных в результате преступления.

На основе имеющихся исследований (Н.С.Алексеев, В.А.Банин, М.А.Нокербеков, Ф.Н.Фаткуллин и др.) анализируется соотношение материально-правовой категории "остав преступления" и процессуальной категории "предмет доказывания". и делается вывод, что содержание предмета доказывания составляют лишь факты, име-

щие материально-правовое значение, т.е. образующие в своей совокупности элементы состава преступления или необходимые для индивидуализации наказания. Кроме того подлежат установлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. В связи с этим подвергается критике мнение о наличии самостоятельных предметов доказывания для отдельных категорий уголовных дел (А.М.Дарин), для отдельных стадий процесса (В.Д.Арсеньев, Н.П.Кузнецов), об индивидуальности предмета доказывания для каждого дела (В.В.Назаров, В.А.Илларионов, В.В.Гелескул). Подобно тому, как в уголовном праве состав преступления определяет общие признаки преступного деяния, не зависящие от конкретного преступления, так и в уголовном процессе предмет доказывания охватывает собой факторы, определяющие виновность и наказуемость в общем виде. Автор присоединяется к мнению (А.И.Винберг, Г.И.Кочаров, Г.М.Миньковский, А.А.Хмыров и др.) о том, что так называемые "доказательственные факты" не относятся к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания, и служат лишь орудием для установления последних. В диссертации анализируются отдельные элементы состава преступления и их выражение в предмете доказывания, уточняется содержание ряда материально-правовых и процессуальных терминов. При этом отмечается неудовлетворительность решения действующим законом вопроса о последствиях недоказанности обстоятельств, образующих объективную сторону состава преступления ("событие преступления"), в результате чего недоказанность события преступления приравнивается к отсутствию преступления. Автор предлагает рассматривать недоказанность события преступления в качестве самостоятельного основания для прекращения уголовного дела, что позволит более точно оценить эффективность расследования.

В диссертации рассматривается содержание и значение фактов, определяющих имущественную ответственность обвиняемого, и вносятся предложения по расширению рамок разрешения в ходе уголовного процесса ряда вопросов, связанных с реализацией требований не только уголовного, но и иных отраслей материального права (лишение родительских прав лиц, преступно злоупот-

реживших этими правами или преступно уклоняющимися от их выполнения; признание недействительными сделок, заключенных преступным путем и т.д.). Применение к лицу, совершившему преступление, не только мер уголовной ответственности, но и всего арсенала правовых средств воздействия должно способствовать более эффективному устранению преступных последствий и повысить воспитательное значение процесса.

Глава 3. "Зависимость уголовно-процессуальной формы от характера уголовной ответственности". В качестве исходного для данного раздела работы взято положение К.Маркса: "Материальное право...имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы".¹³

Специфическими особенностями уголовно-процессуальной формы, порожденными характером материально-правовых отношений уголовной ответственности, являются: 1) преобладание принципа публичности над диспозитивностью при решении вопроса о выборе участниками процесса способа поведения; 2) обеспеченность надлежащего поведения участников процесса мерами государственного принуждения; 3) зависимость характера принуждения от общественной опасности совершенного преступления; 4) наличие института предварительного расследования и зависимость форм расследования от характера преступления; 5) правосудие как единственный способ возложения уголовной ответственности; 6) наличие института защиты прав и законных интересов обвиняемого; 7) преобладание обязательных форм прокурорского надзора над избирательными.

Отношения уголовной ответственности всегда требуют своей реализации при помощи принудительной силы государства. Уполномоченные государственные органы возбуждают, расследуют и разрешают уголовные дела в силу требования закона, руководствуясь принципом публичности. Изъятия из этого правила предусмотрены лишь для дел "частного" и "частно-публичного" обвинения.

Повышенная опасность преступлений среди других правонарушений влечет за собой расширенный круг мер процессуального принуждения, свойственных уголовно-процессуальной деятельности. В

¹³ Марко К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 158.

диссертации рассматривается общее понятие государственного принуждения и особенности уголовно-процессуального принуждения. Отмечается, что специфической чертой процессуального принуждения по отношению к участникам процесса является возможность его применения лишь для достижения целей уголовно-процессуальной деятельности. Анализируются работы, посвященные проблемам уголовно-процессуального принуждения (Л.Б.Алексеева, И.М.Гуткин, П.М.Давыдов, З.Д.Бникеев, З.З.Зинатуллин, Б.М.Кляков, В.М.Корнуков, Ю.Д.Лившиц и др.) и оспаривается распространенное мнение о наличии у мер процессуального принуждения "штрафного" характера. Анализируются также связи между характером уголовной ответственности и возможностью применения конкретных мер принуждения. Поддерживая предложения о введении "свидетельского иммунитета" (А.П.Бойков, И.Д.Кокорев, Н.И.Порубов, В.И.Смыслов и др.), автор считает, что такой иммунитет не должен распространяться на случаи совершения наиболее тяжких преступлений. Круг таких преступлений может быть определен на основе ст.190 УК, предусматривающей ответственность за недонесение. Высказывается сомнение в правильности слишком широкой трактовки процессуального принуждения, в частности, отнесения к его мерам таких следственных действий, как обыск, выемка, освидетельствование. Возможность принудительного осуществления, стоящая за большинством следственных действий, еще не превращает их в меры принуждения. Одновременно оспаривается мнение о возможности расширения круга следственных действий (Х.А.Рооп, А.К.Гаврилов, В.А.Стремовский, А.Р.Михайленко), а также о возможности задержания (Е.М.Кляков, В.И.Кузлин, В.Н.Шпилев и др.) до возбуждения уголовного дела.

Анализируя особенности возбуждения уголовных дел о хулиганстве и мелком хищении государственного или общественного имущества (гл.34 УПК), автор приходит к выводу, что эти особенности могут быть распространены на дела о других преступлениях, наказание за которые не превышает одного года лишения свободы, и поддерживает предложения, вносимые по поводу дифференциации процедуры предварительного расследования (М.И.Якуб, В.Д.Арсеньев, П.Ф.Пашкевич и др.). В частности, поддерживается предложе-

ние о ликвидации дознания в качестве самостоятельной формы предварительного расследования с передачей части дел, отнесенных в настоящее время к компетенции органов дознания, следственным органам и установлением упрощенного досудебного производства по остальным делам. Изъятия из общего порядка расследования дел, предусмотренные в настоящее время для дознания, в частности, ограничение права на защиту и т.д. (ст. 120 УПК), по мнению автора, не оправданы. При решении вопроса о дифференциации форм расследования и применении упрощенных форм досудебного производства определяющим должна являться не "простота" или "очевидность" дела, а характер уголовной ответственности. При этом эффективность форм процессуальной деятельности нельзя анализировать изолированно, в отрыве от других. Исходным должно быть положение о возможности в случае надобности переходить от более простых форм к более сложным, как это предусмотрено главой 34 УПК для дел о хулиганстве и мелком хищении государственного или общественного имущества. Проведенное автором исследование практики применения протокольной формы досудебного производства по делам о преступлениях, предусмотренных ч. I ст. 206 УК по г. Ленинграду и Ленинградской области за 1977-1982 гг. подтверждает ее эффективность. Распространенность применения этой формы к данной категории уголовных дел возросла по Ленинграду с 26,5% в 1977 г. до 86,1% в 1982 г., по Ленинградской области за этот же период - с 50,3% до 92%. При этом стабильность приговоров не претерпела изменений.

В диссертации анализируется роль оперативно-розыскной деятельности в процессе возбуждения и расследования уголовных дел, отмечается ее связь с характером следственных действий и вносятся предложения о законодательном регулировании отдельных оперативно-розыскных мероприятий в целях придания им статуса следственных действий.

Процессуальные формы судебной деятельности зависят от характера уголовной ответственности при решении вопросов подсудности, предания суду и т.д. В аспекте исследования рассматриваются два основных вопроса: о процессуальных формах привлече-

ния к уголовной ответственности и о процессуальных формах освобождения от уголовной ответственности.

Реализация уголовной ответственности может иметь место только по приговору суда, вынесенному в соответствии с законом. Предложения по поводу упрощения судебной процедуры привлечения к уголовной ответственности, в частности, о единоличном рассмотрении в суде уголовных дел, не могут быть приняты, поскольку они противоречат ст.ст.151 и 160 Конституции СССР. В то же время автор поддерживает высказывавшуюся в теории идею законодательного конструирования категории уголовного проступка (Н.А.Беляев, П.С.Давель, И.И.Карпец, В.И.Курляндский, А.Б.Сахаров и др.). Отмечается, что в настоящее время возникает диспропорция между допускаемым законом упрощенным досудебным производством и судебным порядком рассмотрения уголовных дел. Опасения по поводу недостатков единоличного рассмотрения судьей дел об уголовных проступках могут быть устранены путем введения дополнительных гарантий законности (участие защитника, коллегиальное рассмотрение дел в кассационном порядке и т.д.). Отмечается, что категория уголовного проступка достаточно успешно используется в практике зарубежных социалистических стран. К категории проступка могут быть отнесены правонарушения, наказание за которые по действующему закону не превышает одного года лишения свободы.

В диссертации обосновывается право органов расследования и прокуратуры решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности и оспариваются мнения об обязательности разрешения этого вопроса судом (И.Л.Петрухин, И.А.Лисус и др.). Необходимость судебной формы привлечения к уголовной ответственности определяется характером государственного принуждения, применяемого в ходе реализации уголовной ответственности, и задачами охраны прав и законных интересов личности. При освобождении лица от уголовной ответственности такая необходимость не возникает. Нельзя рассматривать судебную деятельность и в качестве формы контроля за освобожденным от уголовной ответственности лиц, в действиях которых имеются признаки преступления, органами расследования. Задачей суда является осуществление правосу-

дия, а не контроль за чьей-либо деятельностью. По тем же мотивам в диссертации критикуются предложения об установлении судебного контроля за избранием мер пресечения и применением иных мер процессуального принуждения. Предусмотренное ст. 58 Конституции СССР право граждан на обжалование в судебном порядке действий должностных лиц, государственных и общественных органов применительно к уголовному процессу должно распространяться на результаты деятельности органов расследования и прокурора, а не на промежуточные решения.

Существование института защиты в уголовном судопроизводстве определяется: 1) возможностью применения наиболее серьезных мер государственного принуждения в качестве мер уголовного наказания, 2) возможностью применения к обвиняемому (подозреваемому) мер процессуального принуждения, связанных с характером уголовной ответственности. По мнению автора, понятие защиты в уголовном процессе не может быть сведено к защите от обвинения, а охватывает собой комплекс действия обвиняемого и представляющих его интересы лиц по защите прав и законных интересов обвиняемого. Делается вывод о распространении действия института защиты не только на обвиняемого, но и на подозреваемого. Исследуются конкретные формы деятельности защитника в стадии предварительного расследования и в судебном разбирательстве уголовных дел. В частности, отрицается необходимость ознакомления защитника, допущенного к участию в деле с момента предъявления обвинения, со всеми материалами дела, поскольку это не вызывается нуждами защиты от предъявленного обвинения и в ряде случаев недопустимо по тактическим соображениям. Одновременно обосновывается вывод о необходимости ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела, положенными в основу обвинения. Автор оспаривает предусмотренную действующим законом обязательность привлечения защитника при участии в деле прокурора или общественного обвинителя, поскольку это является результатом одностороннего взгляда на функции прокурора в советском уголовном процессе и отрицания объективности прокурора, осуществляющего вышший надзор за соблюдением законности. В то же время предлагается признать возможным участие защитника с

момента предъявления обвинения по всем делам. Также предлагается признать обязательным участие защитника в судебном разбирательстве по всем делам, по которым может быть применено наказание на срок свыше 10 лет лишения свободы.

Повышенная общественная опасность преступлений по сравнению с другими правонарушениями и острота применяемых в уголовном процессе мер государственного принуждения порождают особенности прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве, выражающиеся в преобладании обязательных форм и актов надзора (согласие, санкция, утверждение и т.д.) над избирательными. В то же время оспаривается мнение о наличии у прокурора в ходе уголовного судопроизводства каких-либо специфических, уголовно-процессуальных функций ("процессуальное руководство" органами расследования, "функция обвинения" в ходе расследования и в судебном разбирательстве). Утверждается, что в ходе уголовного судопроизводства прокурор продолжает осуществлять свою единственную государственно-правовую функцию высшего надзора за соблюдением законности. Властные полномочия прокурора по отношению к органам расследования, поддержание или отказ от поддержания обвинения в суде и т.д. являются лишь формами (методами) осуществления прокурором высшего надзора за соблюдением законности и проявлением государственно-правовой функции, совпадающей с его процессуальной функцией.

В диссертации анализируются конкретные формы прокурорского надзора за соблюдением законности и вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего прокурорско-надзорные отношения в сфере уголовного судопроизводства, в частности, по расширению круга актов, требующих обязательных форм прокурорского надзора.

В заключении подводятся краткие итоги произведенного исследования.

Основные положения диссертации изложены автором в следующих работах:

Монография

1. Современные проблемы гражданского иска в уголовном

процессе. Изд. Ленингр. ун-та, 1972 - 4,5 п.л. (рецензии: Жерулис И.А. - Правоведение, 1973, № 5; Дагель П.С., Зусь Л.Б. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью на современном этапе: Владивосток, 1973, с.115-118; Мисяк В. (на польском языке) - Państwowy Przegląd, 1975, № 4, с.144-147).

2. Очерк развития науки советского уголовного процесса (в соавторстве). Изд. Воронежского ун-та, 1980, - 14,6 п.л. (рецензии: Астапенков В.Г., Гаврилов А.К., Ефимичев С.П. - В кн.: Уголовно-процессуальная деятельность и правоотношения в стадии предварительного расследования. Волгоград, 1981, с.102-110; Дагель П.С., Зусь Л.Б. - Советское государство и право, 1981, № 12, с.150-151; Галкин Б.А. - Советская юстиция, 1982, № 2; Мартинович И., Матвиенко Е., Шпилев В. - Социалистическая законность, 1982, № 8; Мартычик Е.Г. - Известия АН Молдавской ССР, сер. обществ. наук, № 1, 1982, с.79-80).

3. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Изд. Ленингр. ун-та, 1982, 7 п.л. (рецензии: Дагель П.С., Резниченко И.М., Стояновой А.Г. - Советское государство и право, 1983, № 6; Зинатулли З., Чулжик Л. - Советская юстиция, 1983, № 9).

Учебники

4. Уголовный процесс /Под ред. Н.С.Алексеева, В.З.Лукашевича П.С.Элькинд. Изд. Ленингр. ун-та, 30,66 п.л. - главы 8, 10, 11.

* Статьи, тезисы докладов, выступления, рецензии

5. Речь прокурора Фрунзенского района г. Ленинграда В. Давва по обвинению А.П. Дещук в спекуляции и незаконном врачевании. - В кн.: Речи государственных обвинителей. М., 1964.

6. Подготовка уголовного дела к рассмотрению в суде (в соавт.). - В кн.: Человек перед судом. Л., 1965.

7. К вопросу о соотношении уголовной и гражданской ответственности. - Правоведение, 1967, № 2.

8. Участие общественности в борьбе с преступностью. - Вопросы криминалистики, вып. II, 1964.

9. Процессуальное положение прокурора в суде первой инстанции по уголовным делам. - Материалы научно-практической

конференции. Л., 1972.

10. К понятию обвинения в советском уголовном процессе. - Правоведение, 1970, № 1.

11. Право на предъявление регрессного иска в уголовном процессе. - Советская юстиция, 1972, № 21.

12. Научно-практический комментарий ст. 90 УПК РСФСР. - Правоведение, 1972, № 2.

13. 50-летие советской прокуратуры и задачи правовой науки. - Правоведение, 1972, № 3.

14. Процессуальное и уголовно-правовое значение орудий преступления. - Вестн. Ленингр. ун-та, сер. эк., фил., право, вып. 17, 1973.

15. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном процессе. - Правоведение, 1974, № 1.

16. Организация борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. - В кн.: Основы советского законодательства и правопорядка /Под ред. Л.Н. Галенской, Л., 1974.

17. Отграничение конфискации имущества от обращения его в доход государства. - Советская юстиция, 1975, № 4.

18. Деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, в качестве вещественного доказательства. - Вестн. Ленингр. ун-та, сер. эк, фил., право, 1975, вып. 23, вып. 4.

19. Деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, как вещественные доказательства. - Социалистическая законность, 1976, № 4.

20. Уголовно-процессуальная политика Советского государства (в соавт.). - Правоведение, 1977, № 5.

21. Взаимосвязь процессуальной формы с материальным правом. - В кн.: Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Изд. Воронежского ун-та, 1979.

22. Указание, согласие и санкция как акты прокурорского надзора за соблюдением законности в деятельности органов расследования. - В кн.: Укрепление законности в деятельности следователей в свете Конституция СССР /Под ред. А.А. Любавина. М., 1979.

23. Участие защитника в уголовном деле с момента предъявления обвинения. - В кн.: Проблемы охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью. Изд. Ивановского ун-та, 1980.

24. Прокурорский надзор и расследование. - В кн.: Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан. Изд. Калининского ун-та, 1980.

25. Смежные проблемы прокурорского надзора и уголовного процесса. - В кн.: Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и адвокатуре в СССР. Изд. Воронежск. ун-та, 1981.

26. Рецензия на книгу: Шлилев В.Н. Участники уголовного процесса. - Советское государство и право, 1971, № 12.

27. Рецензия на книгу: Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. - Правоведение, 1977, № 2.

28. Рецензия на книгу: Новиков С.Г. Прокурорская система в СССР. - Правоведение, 1978, № 6.

29. Рецензия на книгу: Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. - Социалистическая законность, 1981, № 2.

30. Оценка судом качества предварительного расследования /в соавторстве/ - Правоведение, 1983, №3.

Подписано к печати 30.05.83

Зак. 178 Тир. 110 Объем 2 п.л.

Бесплатно. ФОН ЛГУ

199164, Ленинград, наб. Макарова, 6.

4383

Р61(2)